

Биополис

Михель Павел

Павел Олегович Михель

Биополис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68461102

SelfPub; 2022

Аннотация

Всему мужеству и металлической героической стойкости.
Звание "человек" можно носить с гордостью, и такое уже
случалось в нашей истории.

Павел Михель

Биополис

«Задача человека – расширять пространство своей судьбы, укреплять то, что содействует жизни, в противоположность тому, что ведёт к смерти. Говоря о жизни и смерти, я имею в виду не биологическое состояние, а способности бытия человека, его взаимодействия с миром.»

Эрих Фромм

Армия успешно продвигалась, не без потерь, к назначенной цели. Впереди, в ста километрах, лежал желаемый зелёный город. Противник стойко и ожесточённо сопротивлялся, но не мог остановить надвигающуюся стальную военную машину, перемалывающую тела, землю и души.

Оставшееся расстояние с боями было пройдено за считанные дни. Теперь уже верхушки зданий славных дворцов и шпили занятых учебных заведений были видны невооружённым глазом. Началась осада.

Авиация несколько дней неуклюже проводила бомбардировку, затем захлопали дула осадных артиллерий. Ничего не мешало тысяче танков пуститься в бой, кроме отсутствия приказа.

Город тоже в молчаливом согласии не принимал «подарки» врага. Он огрызался противовоздушными орудиями, стоящими на ещё недавно мирных крышах филармоний и

музеев, и стрелял своей артиллерией по позициям противника из дворов упорно работавших заводов. Несколько самолётов наступающие потеряли. Ещё несколько десятков танков вышло из строя. Сквозь бинокль можно было увидеть засеянные противотанковыми самодельными «ежами» улицы. Ещё месяц назад эти стальные трудяги тянули по себе составы спешащих трамваев – теперь они должны были служить людям в совсем несвойственной им задаче. И надеялись выполнить её хорошо.

Но всё это не изменило расстановку сил. Превосходство в численности и вооружении наступающих не потерялось.

Наконец, освободив достаточно город от ненужных, с точки зрения наступающих, зданий и людей, был получен приказ атаковать.

В назначенный день, рано утром, танки, словно спущенные с цепи адские псы, дышащие паром сгораемого бензина, рванули в атаку. Чуть позади их сопровождала пехота на манёвренных бронемашинах. Победа казалась быстрой и скорой.

Несмотря на явный перевес противника, горожане не теряли надежду на победу. Наоборот, чем яснее была видна их плачевная ситуация и больше разрушался город, тем сильнее разгоралось в них чувство уверенности. Они чуть ли не безумно верили в то, что победят. Многие отказывались покидать город, говоря, что победа скоро будет за ними. Но это не было безумием – это была искренняя убеждённость

и стойкое неизгладимое желание сражаться до последнего вздоха. На фронте или в тылу – неважно. Но главное – сражаться.

Эта убеждённость так утвердилась в них, что горожане стали меньше болеть. За месяц окружения среднее количество болезней на душу населения уменьшилось, хотя с каждым днём становилось холоднее, ласковое короткое лето уходило. Горожане, несмотря на ежедневный обстрел, продолжали жить привычной бытовой жизнью, насколько могли: ходили на работу, в театры, школы, проводили операции в больницах. Дети продолжали свои игры – только теперь вместо камней у них были осколки взорвавшихся бомб.

Они сопротивлялись даже в том, чтобы бояться. Словно не замечая этого низкого ломающего чувства, проходили они ежедневной поступью мимо свежих разобранных завалов и лежащих, ещё не увезённых в морг, трупов. Каждый сложенный разрухой дом, каждое искалеченное отмучавшееся тело, высушивали слёзы с их лиц.

И в этом убеждении встретили они наступающие звенящие оружия врага. С лозунгами «Разгромим чернь!», «Вперёд, товарищи, к победе!» на алых полотнах, металлической твёрдостью шагали они к позициям. Немощные старики выглядывали из окон и кричали слова радостных приветствий, стараясь подбодрить ещё больше уверенных защитников – хотя бы так они хотели вложить что-то в общее дело.

Обстановка была мрачная. Воздух, казалось, наполнился

тяжёлым свинцом и кое-как выходил из лёгких.

Первую линию обороны наступающие прорвали без особых усилий. Рёв тысяч моторов набатным гулом отдавался в полуразрушенных кварталах окраин. Бои завязались на улицах, атакующие линии разветвились.

В первые десятки минут всё проходило согласно плану. Атакующие почти без потерь прорывали жидкие цепи обороны скудного городского запаса. Предвкушалась победа к полудню.

Холодный осенний ветер, одиноко бродящий по улочкам, продувал лёгкие рубахи тяжело дышащих солдат.

– Какая-то ерунда... – сказал один из солдат, радист. Он накинул наушники, снял огромную рацию со спины и pokrutil ручку. – Волк 1, приём. Волк 1. Цитадель, ответьте.

На несколько секунд он с силой прижал наушники и бесцельно остановил пустой взгляд за окном.

– Почему отход? – наконец, сказал он. – Цитадель, ответьте. С тыла? Как с тыла?..

Повсюду слышны были маленькие взрывы летящих к неприятелю пуль. Обороняющиеся прятались в подъездах, стреляли с крыш и даже иногда из-под люков канализации. Хоть победа и казалась близкой, а линии сопротивления крошечными, но главная опасность могла таиться в каждом доме, каждом холодном безразличном окне.

Один из солдат передового отряда, с атакующей стороны, наклонился и сорвал нежный крохотный цветок, что распу-

стился возле мёртвой головы со стеклянными глазами. Затем пнул чуть в сторону шапку с лежащего тела. Нигде не было крови. Солдат отвернулся.

Вдруг, стеклянные ещё секунду назад глаза моргнули и сверкнули жизнью. Рука дёрнулась, пытаясь нащупать винтовку. Первый тихий вдох. Впереди стоял неприятель – нужно было убрать его с улиц родного и важного города. Ему всем сердцем ненавистно хотелось удалить, стереть эту надменную фигуру, что чувствовала себя хозяином на чужой земле, что так беспечно и без капли сочувствия уничтожает тысячи его друзей, близких и родных. И он нашёл винтовку, дёрнул затвор, и выстрелил. Затем ещё раз. Неприятель пал.

Нужно было быстрее спрятаться, и городской доброволец, подхватив шапку чуть в стороне, в несколько движений обшарив карманы неприятеля, двинулся к лестнице, вниз. Нечего было прохлаждаться – орды врагов ждали своей пули, даже если в его обойме их было всего пять. На каждую из пяти – уже минус пятёрка злой силы. А сколько таких, как он? Тысячи горожан. Он знал, что каждый из них будет сражаться. Он обязан был вложить всё, что имел, в их общую будущую победу.

Продвигаясь всё дальше по улицам города, атакующие сильнее замедлялись, словно погружаясь в густую трясиину. Росло сопротивление с тыла, и кроме атаки защищающихся впереди, приходилось уже защищаться самим сзади. Некоторые взводы попадали в клещи и уничтожались обороняю-

щимися. Нужно было занять здание городской администрации, но с каждой сотней метров вперёд, шквал огня сопротивления становился сильнее и ожесточённее. Пока атака не захлебнулась и не встала, не продвигаясь ни на метр.

– Почему? Нас же больше... – задавался вопросом молодой офицер. Он подошёл к окну и чуть-чуть робко выглянул. – Я вижу окна этой проклятой администрации. Но если двинусь туда – застрелят из окон напротив. Они везде, повсюду. Как крысы...

– Они, – начал перебинтованный на плече солдат, дико и испуганно смотрящий в землю, – не умирают... Они... встают. Снова... Я убил пятерых. И двое при мне встали. Я стрелял в них. Стрелял и стрелял. А они просто открывают глаза через несколько минут. И встают...

– Я подложил даже под одного гранату, – сказал другой солдат, нервно курящий сигарету. – Но он не разорвался. Просто тело чуть подпрыгнуло, а потом встало. Я... я не знаю.

– Они подходят к дому, – вдруг, выпалил офицер. – На позиции!

И солдаты, кое-как поднимаясь, заняли позиции для отражения контратаки. Теперь уже они находились в ловушке городского дома, который так беспечно и скоро посчитали своим. Но они не знали, что огромный кирпичный каркас станет надгробием на их невольной братской могиле.

Горожане верили, что они победят и, словно склонив-

шлись над их силой воли, сама Смерть отступила. Они падали замертво, озаряя столь ценную для них землю тёплой алой кровью. Земля быстро впитывала в себя эту сакральную жертву и покрывалась ковром ярких нежных цветов. Мёртвые вставали и шли воевать, продолжая самое важное, что было в их жизни – приближая коллективную мечту. Их мёртвая цепкая хватка оживала, и винтовка, надеявшаяся уже на покой, вновь пускалась в дело.

Силы атакующих таяли. Близился полдень, а здание администрации оставалось таким же далёким, как и прежде. Атакующие солдаты запрашивали артиллерию, но иногда сами становились её жертвой. Защищающийся доброволец же, выбравшись из завала, убегал в соседние кварталы и продолжал борьбу.

В полдень случилась последняя попытка прорваться сквозь густую пелену городского сопротивления к зданию администрации. Сотня танков, под прикрытием двух десантных взводов, бросилась сквозь разрушенные здания к городской площади.

Казалось, обороняющиеся не успевали отразить наглую атаку, но, вдруг, из всех сторон на колонну танков посыпались выстрелы противотанковых орудий. Это были последние снаряды – последняя линия, которую отважные горожане готовы были оборонять до предсмертного вздоха. Они не хотели отдавать мозг своего города врагу, чтобы тот надругался над их ценностями и символами – в том числе и теми,

что развиваются на крыше. Люди выбегали из зданий и забрасывали внутрь кабин танков гранаты, чтобы уничтожить оставшиеся заблокированные машины. На улице завязалась тесная жестокая бойня, но вновь убитые люди вставали и не оставляли ни капли надежды десанту атакующих.

После этого был получен приказ отступить. Понесся огромные потери, атакующие отошли сначала на границу города, а затем и оттуда воодушевлённые горожане выбили их на десять километров. Тысячи солдат противника были взяты в плен. Враг безвозвратно потерял больше половины своей северной армии.

Оставшиеся горожане начали разбирать завалы и чинить дома, готовясь к зиме. Пока другая часть прогоняла недруга дальше, до самого его центра, не оставляя ни шанса и тени сомнений насчёт своей победы.